

Марат Хазиев

ПОДРЕЗАННЫЕ МЫСЛИ

Марат Ринатович Хазиев

Подрезанные мысли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30478785

SelfPub; 2018

Аннотация

Вашему вниманию предлагается собрание сочинений, в которых отражены поиски нового поэтического языка. Диапазон взятых тем достаточно широк: от анекдота до элегии, от острой социальной сатиры до богоискательства. Книга предназначена широкому кругу любителей поэзии.

Содержание

Баллада пограничных состояний	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Баллада пограничных состояний

От жажды умирая над ручьём,
Я мучился безнравственной дилеммой:
Быть или нет, стоять ли на своём,
Уснуть или уйти с моей проблемой
Скитаться наугад или со схемой
Тупым бесплодным лабиринтом дум,
Где породнюсь с Предвечной, но не милой.
И вот, мой страждущий пытливый ум
Смирится со старой злою силой.
Я жив ещё, но взят уже могилой.

Бесплотный, обескровленный Судьбой
Я снова на родник противоречий
Смотрю и вижу: у ручья гурьбой,
Как только перед очень важной встречей,
Столпились ангелы на водопой;
Снуют, галдят, теряют перья. Вчуже
За ними наблюдаю. Страх постылый
Сковал мне сердце. Я кричу: «Помилуй,
Какого чёрта, Боже, почему же
Я жив ещё, раз взят уже могилой?!»

А дальше я покину отчий дом –

Покорный еретик, развратник верный –
Скитаться долго... И пойму потом,
Что ангелы над тем ручьём примерно
Отстирывали жизнь мою от скверны,
Производя греховность в благодать.
Как можно после этого отдать
Отчизну Злу, чтобы тиран унылый
Над ней глумился?! Дудки! Не бывать!
Я жив ещё, хоть взят уже могилой!

Я всем принадлежу и я ничей.
Я – зеркало, мой принц, взглядишь в ручей.
Коль с нами Бог, какой противник хилый
Рискнёт поднять на духа сталь мечей?!
Я вечно жив и вечно взят могилой!

Мне мнилось – я уже Большой,
А на поверку стался глупым;
Но тут Она босой душой –
По кромке лезвия, уступом...
И вот Она больной судьбой
В мои объятия окунулась,
Сквозь сон пропела: «Я с тобой»...

И на плече моём очнулась
и поплыла, и встрепенулась,
и озарилась, и проснулась,
и стала наконец собой... .

Потом полёт, а в нём – любовь:

Не без греха, но вдохновенно,
Мы пили сладостную новь
Неистово, самозабвенно
и окрыляясь постепенно,
то вместе, то попеременно,
стирали с лезвия всю кровь...

А жизнь сильнее высших чувств:

Бытийность, целеполаганье
Ей возмещали покаянье,
Я искушался от искусств.
и в поле мнимого страданья,
в угаре недопониманья,
воздвигал терновый куст...

Изменой подползали дни,
Когда сорвали полог тайный;
На смене вех пришли они, –
Их возглавлял тиран случайный
и в суете необычайной,
обозначая век раздрайный,
зажгли усобные огни.

Взошла эпоха странных дел,

В которой маршируют строем
И одинаковым покроем
Рубашки шьют для чёрных тел
и было видно (мы не скроем),
как трусом стал, кто был героем,
как изобильный оскудел
Она, конечно, поняла
Губительность метаморфозы;
Поэзия не помогла,
А строить жизнь верней из прозы.
и вот, не изменяя позы,
тайком (в январские морозы),
она изящно предала
Я бросил петь и ревновать,
Когда не стало вдохновенья,
Когда закончились сомненья
О беженцах в её кровать

Голотелые девочки – глазастые и верлибровые –
Оголтело ломают просодию – дивное зрелище.
Изошрённые фурии – верно с рожденья суровые –
То и дело секут по традициям это дебелище,
Разрезают его зазубренными пилообразно акцентами,

Пробивают фанеру и ржут, и плевали на нас они,
Разухабисто ставят на счётчик и доят с процентами,
И усердно утюжат устой и уклад ассонансами.
Эти дивные девы доводят до аллитерации,
Повторяя с упорством напильника мощные фрикции;
В зазеркалье они – искажённые новые грации;
Их методика боя основана на *контрдикции*;
Их привычные модусы чужды влиянию логики;
Им уже не нужны ни аннексии, ни контрибуции;
Им играют тапёры, им служат салонные бобики;
Они станут связными реакции и революции.
И как только наш век окончательно будет как памятник,
И режим некрасивых вождей переборщит с демаршами,
Эти тонкие жёны опять активируют маятник
И разрушат гармонию пламенными комиссаршами.
Да и как же иначе: мужчины становятся слабыми,
Подменяются смыслы и правда давно не единая;
Но идёт поколение воспитанных этими бабами
Без упрёка и страха... и песня звучит лебединая.

Помещают поэта в тщедушное тело,
Намекают: попробуй попой.
И душа – через тело – конечно бы пела,

Но у тела, к примеру, запой,
А у тела, положим, заложены уши,
Или кто-то заткнул ему рот,
Или руки стремятся нащупать баклуши,
Или к подвигам *ноги* влечёт.
А ещё может быть, что изнается кожа
Так, что тянет на верхнее «си»;
И пойдя удержись, если странная рожа
В этом зеркале просит: «Спаси».
И осмелюсь, скажи обывателям спорым,
Что ты призрак в потёртых штанах –
Захохочут тебя исключительно хором.
Ты для этих людей первонач,
Пионер и позёр, бузотёр и бездельник,
Говорящий болезненный бред...
А который из зеркала – чёрный поделщик,
Заблудившийся анахорет...
Окружают поэта назойливым бытом,
Вынуждают злословить и есть,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.